

МГНОВЕНИЯ
Кушугур. — 1992. —
Хлеб Июль. — С. 7

И СВЕЧИ

Спектаклю франковцев «Тевье-Тевель» зал аплодировал стоя. И вдруг... стих. Богдан Ступка, исполнитель главной роли, подошел к краю сцены и преклонил колени перед высоким седым человеком, протянувшим актеру каравай хлеба с зажженной свечой.

— Иван Семенович Козловский, — прошелестело по рядам. И тут же снова воцарилась тишина, от которой не слышно даже дыхания.

Козловский заговорил. Проникновенный его голос называл имена Ивана Франко и Станиславского, Заньковецкой и Немировича-Данченко, многих других корифеев русской и украинской сцены и, казалось, ярче разгораются звезды Млечного пути, под которыми шло действие спектакля. Козловский говорил о верности искусству, о неразрывности театральных судеб и, повернувшись к залу, поблагодарил зрителей за преданность театру. Это были такие искренние, такие нестандартные слова, что у многих выступили на глазах слезы. А потом Мастер развернул огромный пакет и роздал каждому актеру по листу мацы.

Стоял посреди сцены украинец Богдан Ступка, держал в одной руке русский каравай, а в другой мацу и смотрел в зал глазами Тевье-Тевеля. И все мы, зрители, увидели в его глазах в это мгновение горькое «за что?» от имени всех беженцев Карабаха, Абхазии, Таджикистана... А на сцене мерцали звезды Даниила Лидера и трепетала свеча Ивана Козловского. Она влила в душу зрителей новый свет, придав вышший смысл большому спектаклю Сергея Данченко. В этот миг стало особенно ясно, что театр может по-своему противостоять кровопролитию и напомнить людям о неразрывности их судеб.

Г. ВЛАДИМИРОВА.